

(память 7/20 августа и 23/6 декабря)

Первопрестольник Воронежский, святой Митрофан, во святом крещении Михаил, родился в ноябре 1623 года в области нынешней Владимирской губернии. Не имеется сведений, кто именно были его родители, какое занимали положение, лишь предполагают, что они принадлежали к духовному званию. Зато сохранилось ценное свидетельство самого святителя о том, каковы были родители его и как воспитали они своего сына. «Я родился в мир сей, — говорит святой Митрофан в своем духовном завещании, — от благочестивых родителей и воспитан ими в непорочном благочестии Восточной Церкви, в православной вере».

Половину своей жизни угодник Божий провел в миру: был женат, имел сына и проходил должность приходского священника. Местом пастырского служения иерея Михаила было село Сидоровское. Более ничего не известно о мирской жизни святителя. Но его строго христианское воспитание, последующая богоугодная жизнь и самоотверженная архипастырская деятельность без сомнения говорят о том, что для своего прихода священник Михаил был пастырем, полагающим душу за своих овец, а для своей семьи — мудрым руководителем и любящим отцом. Нежная заботливость святителя о своем сыне Иоанне сквозит в письмах, сохранившихся от времени его епископского служения.

На сороковом году своей жизни угодник Божий лишился супруги и тогда же решил отречься от мира, чтобы беспрепятственно служить Богу. Он поселился в Золотниковской пустыни в честь Успения Божией Матери. Здесь в 1663 году священник Михаил был пострижен в иночество с именем Митрофана. К сожалению, ничего не известно о подвигах святого Митрофана

в тихой пустыни. Следуя учению Евангелия, он старался скрыть свои подвиги от людских взоров и дал обет окончить жизнь и быть погребенным в Золотниковской пустыни — так ему была дорога мирная сень скромной обители.

Но Господь судил святому Митрофану иной, высший жребий духовного водительства другими. Несмотря на старание подвижника укрыться от славы человеческой, богоугодная жизнь его сделалась известна для окрестного населения: спустя три года по вступлении святого в Золотниковскую обитель братия соседнего Яхромского Космина монастыря, не имевшая в то время настоятеля, обратилась вместе с крестьянами монастырских вотчин с просьбой к духовной власти поставить игуменом их обители известного своей строгой жизнью инока Митрофана. Просьба была исполнена: в июне 1665 года блюстителем патриаршей кафедры митрополитом Сарским и Подонским Павлом инок Митрофан «благословен во игуменский чин». Во всю свою последующую жизнь угодник Божий сильно скорбел, что не мог выполнить обета об безысходном пребывании на месте своего пострижения, хотя он нарушил его не самовольно, а по иноческому послушанию. В Яхромском монастыре святой Митрофан был настоятелем почти десять лет. Насаждая среди братии дух благочестия, святой игумен заботился и о внешнем процветании обители. Вскоре после вступления в управление монастырем он приобрел для него богато украшенное Евангелие; затем, видя тесноту монастырского храма, святой Митрофан с помощью благотворителей соорудил новый, более обширный, во имя Всемиловитого Спаса, Нерукотворенного Его образа, причем снабдил этот храм новой церковной утварью.

В 1675 году управлению святого Митрофана, как «мужа благоговейного и добродетельного», патриарх Иоаким (управлял Русской Церковью с 1674 по 1690 гг.) поручил другую, более обширную и славную Унженскую обитель во имя Живоначальной Троицы. Унженская обитель пользовалась милостью царей дома Романовых. Она была знакома царю Михаилу Феодоровичу еще до вступления его на Российский престол: в 1612 году или начале 1613 года он с матерью своей, инокиней Марфой Иоанновной, приезжал в обитель и молился преподобному Макарию о возвращении отца своего, митрополита Ростовского Филарета, томившегося в плену у поляков. В 1619 году Михаил Феодорович совершил в торжественно-царской обстановке путешествие в монастырь преподобного Макария по своему обету «за некоторые угодника Божия чудеса и помощь, оказанную великому государю и родителем его во время их печали». Со времени царского посещения Унженская обитель, по воле Михаила Феодоровича, была учинена «наравне с Соловецким монастырем», а игумены ее получили право ежегодного приезда в Москву к царю и патриарху с образом преподобного Макария и со святой водой после дней празднования преподобному Макарию, приходившихся на 19 января и 25 июля.

Таким путем Унженские игумены получили личный доступ к царю и патриарху, что имело важное значение для обители, особенно в случае каких-либо дел. Не меньшую любовь и веру к преподобному Макарию

Унженскому имел и внук царя Михаила, Феодор Алексеевич (царствовал с 1676 г. по 1682 г. Эти годы падают на время управления св. Митрофана Унженской обителью), у которого было сильное желание видеть обитель и поклониться гробу преподобного. Высокое покровительство царствующего дома благоприятно отразилось на внешнем положении обители, которая из малозаметной и немногочисленной становится знаменитой, многолюдной и богатой, обладающей многочисленными вотчинами, обширным и разнообразным хозяйством.

Назначение святого Митрофана игуменом такой обители показывает, как патриарх Иоаким почитал его за благочестие и мудрую распорядительность, и следует признать это тем более, что обстоятельства внутренней жизни обители требовали особенной внимательности при выборе настоятеля ей. Последние годы правления предшественника святого Митрофана, игумена Никиты, были для Унженской обители очень тяжелы. В 1671 году были обретены честные мощи основателя монастыря – преподобного Макария; по распоряжению игумена они были положены в издавна устроенной поверх могилы преподобного гробнице с изображением почившего угодника Божия на верхней доске. Ежегодно начали совершать празднование в память открытия мощей. Но это радостное событие омрачилось печалью: игумен и братия, «содержимые простотою», не сообщили об открытии мощей ни патриарху, ни царю. Через четыре года по доносу одного монаха, недовольного игуменом Никитой, поднялось об этом дело. Начавшееся по распоряжению патриарха следствие окончилось тем, что открытые мощи были положены под спуд, а Никита лишен был игуменства и сослан «под начал в послушники» в Желтоводский монастырь.

В столь тяжелую годину патриарх Иоаким дал в руководители Унженской обители никого иного, как святого Митрофана, надеясь, что он сумеет укрепить веру и вселить мир в смятенных сердцах братии и множества богомольцев, приходивших на поклонение чудотворцу Макарию. И действительно, обитель получила теперь себе надежного и опытного руководителя. Святой Митрофан управлял Унженским монастырем почти семь лет. Здесь, как и в Яхромской обители, его трудами был сооружен в честь Благовещения Пресвятой Богородицы теплый каменный храм с трапезой и колокольней, причем святой украсил его утварью и иконами; некоторые из местных икон сохранились от того времени донныне. Церковь была освящена в 1680 году, через три года после закладки; за благословенной грамотой на освящение храма святой Митрофан ездил лично в Москву зимой этого года. В храме прп. Макария, основателя обители, находится образ Спасителя с надписью: «1680 года, по обещанию монаха Митрофана».

Эти памятники благочестивого храмоздательства свидетельствуют о горячей любви святого Митрофана к благолепию дома Божия. К сожалению, нет сведений, которые изображали бы нам деятельность святого игумена, направленную к созиданию храма Божия в душах вверенного ему словесного стада. Но что она была благотворна, об этом красноречиво говорит то доверие, какое питал патриарх Иоаким к Унженскому игумену. Видя, вероятно, как он мудро правит своею обителью, патриарх поручил ему исполнение важных дел, лежащих на обязанности других лиц. В 1677 году,

по повелению патриарха Иоакима, Унженский игумен «дозирал святых церкви в ветлужских селах». В том же году, по приказанию патриарха, он совместно с поповскими старостами отбирал в городах Галиче и Юрьевце Повольском с уездами, в монастырских, соборных, приходских и ружных церквях старопечатные служебники, а вместо них раздавал безденежно служебники новой печати. Вскоре святой Митрофан получил новое, уже постоянное служебное назначение.

Он был поставлен десятильником. Унженская обитель принадлежала к обширной Галицкой десятина патриаршей епархии. Десятильничий двор, где сосредоточивалось управление этой десятиной, был в городе Галиче, отдаленном от обители. Обширность десятины и многочисленность входивших в нее церквей создавали большое неудобство в надзоре за духовенством. Поэтому в 1680 году, незадолго до оставления святым Митрофаном настоятельства в Унженской обители, из Галицкой десятины были выделены и вновь образованы две особые десятины: Усольская и Унженская. Заведывание Унженской десятиной, в состав которой вошло 94 церкви, было поручено игуменам Макарьева монастыря. В городе Унже был устроен «десятильничий двор», или приказ духовных дел, где председательствовали Унженские игумены. Святой Митрофан, таким образом, был первым десятильником Унженской десятины.

Богоугодная жизнь святого Митрофана привлекала к нему почитателей, которые выражали свое уважение к Унженскому игумену пожертвованиями в его монастырь. Среди них по любви к святому и щедрым пожертвованиям в обитель выдавался приближенный к царю боярин Богдан Матфеевич Хитрово. До сих пор сохранились вклады этого боярина и жены его Марины: икона преподобного Макария Унженского, пожертвованная «по обещанию» в 1679 г., напрестольное Евангелие, подаренное царем Феодором Алексеевичем боярину, а им после сооружения богатого оклада отданное в Унженскую обитель, и синодик «для вечного поминовения» родителей Хитрово. И игумен Митрофан любил боярина за любовь его к обители.

Во время настоятельства святого Митрофана икону преподобного Макария, находившуюся на его гробнице, приносили, по распоряжению благочестивого царя, из Унженского монастыря в Москву, во дворец. Царь «со всем своим пресветлым домом» воздал честной иконе, «яко самому великому угоднику Божию Макарию», поклонение, совершив перед нею «молебная пения». Потом он приказал сделать на икону новое украшение из золота и серебра, которые были выданы из царских сокровищ. Отпуская обратно честную икону, царь провожал ее со своим «синклитом с пением и со священным чином до уреченного места». Нет сомнения, что икону сопровождал в Москву сам настоятель обители святой Митрофан. Личные свидания набожного царя со святым старцем и беседы с ним западали в его душу, и царь относился к подвижнику с глубоким уважением. Об этом свидетельствуют многочисленные царские грамоты, дарованные Унженскому монастырю в то время, когда настоятелем его был святой Митрофан: в этих грамотах или вновь жаловались, или подтверждались прежние льготы обители.

Благоговейная любовь к прп. и уважение к святому Митрофану побудили царя Феодора избрать Унженского игумена во епископа новоучрежденной

Воронежской епархии. На Московском Соборе 1681–1682 гг. в числе мер для борьбы с усиливавшимся расколом старообрядчества и в целях содействия большему распространению христианского просвещения среди православных положено было увеличить число епархий и между прочим решено открыть новую кафедру – Воронежскую. На эту кафедру, по желание царя, и избран святой Митрофан, еще ранее, года за полтора вызванный из Унженской обители в Москву на чреду священнослужения. Современники объясняют это избрание высокой подвижнической жизнью св. Митрофана, «мужа воистину праведна и свята», а также желанием благочестивого царя возвеличить Унженскую обитель возведением на епископскую кафедру ее настоятеля, в котором он видел наместника преподобного Макария по игуменству и ученика его по жизни.

2 апреля 1682 года святой Митрофан был посвящен в епископа патриархом Иоакимом с шестнадцатью архипастырями. Святителю было тогда 58 лет от роду. После своего посвящения святитель Митрофан прожил довольно продолжительное время в Москве, с апреля до половины августа. Новоучрежденная епархия нуждалась первоначально в его заботах здесь, в столице, где находилась высшая духовная и светская власть: так, в Москве вскоре после хиротонии святой Митрофан возбудил вопрос об отводе места в городе Воронеже под соборную церковь и под двор епископу с домовыми людьми. Кроме того, первопрестольнику Воронежскому нужно было запастись и советами опытных людей, а также приобрести предметы, необходимые для богослужения. Между прочим, из домово́й архиерейской казны Рязанского митрополита святому Митрофану были выданы книги, епископское облачение, посох, кресты; из нее же получены им были и деньги.

28 апреля скончался благочестивый царь Феодор Алексеевич, и святитель Митрофан, чередуясь с другими бывшими в Москве епископами, совершал установленное поминовение по усопшем государе. 25-го июня святитель участвовал в венчании на царство юных государей Иоанна и Петра Алексеевичей, причем в числе других священнослужителей поднес патриарху Иоакиму для вручения царям державу.

Лето, проведенное святителем в Москве после хиротонии, было тяжелым временем волнений государственных и церковных. На его глазах происходили кровавые неистовства стрельцов (15, 16 и 17 мая), державших в постоянной тревоге и правительством, и народ в продолжении всего лета 1682 года. Воронежский епископ присутствовал 5 июля на Соборе в грановитой палате, устроенном для прений с раскольниками, и был свидетелем диких проявлений необузданного фанатизма невежественных защитников старины: их предводитель, суздальский поп Никита Пустосвят, не стеснясь присутствием на Соборе правительницы Софии, вдовой царицы Наталии Кирилловны и патриарха, даже нанес побои Холмогорскому архиепископу Афанасию (управлял Холмогорской епархией с 1682 по 1702 гг.), когда тот обратился к нему со словом увещания. Без сомнения, эти печальные события глубоко запали в душу святого Митрофана, и святитель до гроба ревностно заботился как об устройении церковной жизни, так и о благе государственном. Впоследствии он сам напоминал в челобитных государям,

что был отпущен из Москвы в Воронеж в «смутное время», почему и архиерейский дом его оставлен в забвении, не имея вотчин и угодий.

Тяжелый подвиг епископского служения для святителя Митрофана увеличивался нестроениями его новоучрежденной епархии. Воронежский край был лишь недавно заселен; город Воронеж еще не насчитывал себе тогда и ста лет (город Воронеж возник в 1586 г.). Первые поселенцы здесь были невольные, согнанные сюда правительством из разных сел и городов России для охраны края от нападений крымских татар; к ним впоследствии присоединились беглецы, покидавшие по тяжелым условиям жизни родные места и искавшие приволья в Придонской Украине; были здесь и выходцы из Приднепровья, укрывавшиеся от польских притеснений. Это разнообразное население Придонского края было подчинено в церковном отношении Рязанским митрополитам, но в действительности оно лишено было епископского руководства и надзора: при обширности Рязанской епархии, имевшей более 1200 церквей, Рязанские архипастыри едва ли посещали город Воронеж, не говоря уже об уезде, а потому они не могли иметь пастырского влияния на этот отдаленный край своей епархии. Все это печальным образом отражалось на состоянии веры и нравов населения: свет евангельского учения не проник в жизнь народа.

Многие христиане того края не только носили языческие имена, но и жили по язычески: сильно пьянствовали, семейный быт расшатывался такими пороками, о которых и говорить непристойно, богослужение посещалось редко. Неуважение к храму и духовенству даже среди высшего слоя населения — помещиков доходило до того, что были случаи, когда служба Божия прерывалась непристойной перебранкой, а храм Божий делался местом избиения священника. Такие происшествия показывают, как было слабо религиозно-нравственное влияние на пасомых не только со стороны высшей церковной власти, но и со стороны приходского духовенства. А происходило это от того, что само духовенство стояло невысоко по своей жизни. Первыми священниками новонаселенного края были «сведенцы» из других сел и городов, и, можно думать, то были не лучшие из священников. Впоследствии, с возрастанием церквей в Воронежской епархии, возрастало и число пастырей, причем становились священниками или потомки первых священников, или простецы из мирян, то есть малограмотные крестьяне, которые затруднялись подписать свое собственное имя, так что за них требовалось постороннее рукоприкладство. К тому же и таких пастырей, которые были в состоянии лишь совершать богослужение, недоставало. По пространству Воронежская епархия была обширна, но церквей в ней было мало — всего 182, так что в иных местах верст на 50, на 80 не было храма. И все-таки духовенства не хватало на все храмы: нередко, по отсутствию пастырей, церкви стояли «без пения», и население привыкало к беспоповскому строю жизни, что создавало здесь чрезвычайно благоприятную почву для развития раскола. И действительно, хорошо известно, что Придонский край был одним из излюбленных убежищ для раскольников. Раскольники построили пустыньки и отсюда с особенным удобством прививали православным если не раскол, то нерасположение к Церкви и ее пастырям; малопросвещенные христиане, числящиеся православными, безбоязненно посещали эти пустыньки, считая их

устроителей принадлежащими к Православной Церкви, и таким путем удалялись от Церкви.

Не находило надлежащего удовлетворения своим духовным нуждам население Придонского края и в монастырях, которые возникли здесь главным образом в первой половине XVII века: не столько монастыри действовали благотворным образом на жизнь окружающих мирян, сколько последние вносили в их внутренний строй чуждый и пагубный дух мирской жизни. Монастыри эти были малочисленны и притом находились в постоянной опасности ограбления или от крымских татар, или от полуразбойничьих шаек, бродивших в крае под видом «воинских людей», состоящих на государственной службе. Это побуждало монастыри искать себе защитников среди местного населения, с которым они приходили в очень близкое соприкосновение. Благодаря военному положению страны, среди жителей Придонского края было много инвалидов, выбывших из рядов охранителей Украины; много было вдов и сирот, оставшихся без кормильцев, убитых в стычках с татарами. И вот, при отсутствии богоугодных заведений — богаделен и приютов, монастыри и наполнялись инвалидами, вдовами и сиротами; некоторые из монастырей даже и основывались отчасти с этой целью, причем местное население помогало устройению монастыря и оказывало ему дальнейшую поддержку. Но эта близость к миру вредно отзывалась на жизни обитателей: попавшие в монастыри, нередко без призвания, насельники их втягивались в хозяйственные хлопоты, уделяя им более внимания, нежели делу собственного спасения: монастыри стали походить больше на поместья. Из-за хозяйственных угодий у многих монастырей Придонья бывали не только судебные тяжбы, но и вооруженные столкновения с населением. Уклонение иноков с пути своих обетов тем более усиливалось, что жертвователи-миряне вмешивались во внутреннюю жизнь монастырей, тогда как влияние духовной власти на них, по причине отдаленности кафедрального города Рязани, было крайне слабо. Здесь не мало было чернецов, которые бежали сюда из монастырей Москвы и прочих епархий, чтобы жить на свободе, «ведая, что здесь не обреталось архиерейства». Своевольные монахи, почти не знавшие в действительности епископского надзора, опираясь на поддержку мирян, иногда открыто противились распоряжениям духовной власти, так что епископ принужден был искать управы на ослушников у царя или патриарха.

Вообще край требовал для своего церковного устройства больших трудов, забот и настойчивости. И святой Митрофан хорошо понимал это: в одной из своих челобитных он дает такой отзыв о своей епархии: «У нас место украинское и всякаго чину люди обыкли жить не подвластно, по своей воле».

В конце августа 1682 года святитель Митрофан прибыл в Воронеж и вскоре обратился к священникам своей вновь открытой епархии с архипастырским посланием. Чтобы внедрить начала христианской жизни в своей пастве, святитель нуждался в сотрудничестве со стороны своих ближайших помощников — пресвитеров, но для этого нужно было еще в них самих прежде зажечь огонь святой ревности о спасении вверенных им душ. И вот святитель в простых, но одушевленных словах послания выясняет пресвитерам высокое призвание пастыря, указывает три его главные

обязанности и прекрасно подобранными изречениями из Священного Писания убеждает к неленостному их исполнению. Приводим от начала до конца послание святого Митрофана.

«Честные иереи Бога Вышняго, — писал святитель, — вожди словесного стада Христова! Вы должны иметь светлые очи ума, просвещенные светом разумения, чтобы вести других по правому пути; по слову Господа, вы должны быть самым светом: Вы есте свет мира (Мф. 5, 14). Вы, пастыри, должны преподавать овцам словесным приготовленную манну слова Божия, подобно тому, как Ангелы приготовляли чувственную манну в пустыне. Вы, как ходатаи, должны в молитвах ваших подражать Моисею и Павлу, которые с такою ревностию молились Богу за людей своих! Моисей говорил Богу: И ныне, аще оставиши им грех их, остави: аще же ни, изглади мя из книги твоя, в нюже вписал еси (Исх. 32, 32). Павел говорит: Молил бых ся бо сам аз облучен быти от Христа по братии моей, сродницех моих по плоти: иже суть израилите (Рим. 9, 3).

Так и вам подобает ревновать о спасении людей Божиих. Добрые пастыри были таковы, что готовы были души свои положить за овцы (Ин. 10, 11, 15).

Так и вы устройте себя. Пасите еже в вас, стадо Божие, посещающе не нуждею, но волею, и по Бозе: ниже неправедными прибытки, но усердно (1 Пет. 5, 2).

Христос Спаситель, когда вручал святому апостолу Петру пасение овец Своих, трижды говорил ему: Паси... (Ин. 21, 15—17). Это, очевидно, для того, что пастыри трояко пасут врученное им стадо: словом учения, молитвою и силою святых таинств, наконец образом жизни. Эти три вида пасения и вы усердно выполняйте: преподавайте людям слово учения, показывайте на себе пример доброй жизни, усердно возносите молитвы к Богу о врученной вам пастве, старайтесь преподавать им святые таинства, то есть просвещайте неверующих святым крещением, согрешивших после крещения старайтесь приводить к покаянию и исправлению жизни, достойных сподобляйте Пречистых Таин Тела и Крови Христовых, заботьтесь о больных, особенно чтобы не отходили из этой жизни без Святых Таин и не лишались последнего елеосвящения.

Вместе с Божественным Павлом засвидетельствую убо аз пред Богом и Господем Иисус Христом, хотящим судити живым и мертвым в явлении его и царствии его: проповедуйте слово, настойте благовременне и безвременне, обличайте, запрещайте, умоляйте со всяким долготерпением и учением (2 Тим. 4, 1—2). И молю вы, братие, вразумляйте безчинныя, утешайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всем: непрестанно молитесь. О всем благодарите: сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе в вас (1 Фес. 5, 14, 17—18). Образ будите верным словом, житием, любовью, духом, верою и чистотою (1 Тим. 4, 12). Ни едино ни в чем же дающе претыкание, да служение безпорочно будет: но во всем представляйте себе, яко Божия слуги (2 Кор. 6, 3—4). Если все это соблюдете, то воистину явльшуся пастыреначальнику примете неувядаемый славы венец (1 Пет. 5, 4).

О! если бы получить всем нам сию славу, благодатию Господа нашего Иисуса Христа, Которому подобает слава и держава со Отцем и Святым

Духом во веки веков! Благословение Господне на вас, благодатию Его, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Приведенное послание проникнуто одной мыслью — о величии и святости пастырского служения; ею же проникнуто и последнее обращение к священнослужителям Воронежской епархии, наставление святителя, содержащееся в его духовном завещании. Та же самая мысль одушевляла святителя и во время его двадцатилетней многотрудной архипастырской деятельности. Вступив на Воронежскую кафедру, святой Митрофан самоотверженно возложил на себя нелегкие и сложные обязанности епископа. Как опытный хозяин, радеющий об имуществе церковном, он стремился к тому, чтобы увеличить средства своей небогатой епархии, и заботливо упорядочивал ее внешний, церковно-хозяйственный обиход. Но главные заботы святителя сосредоточивались на пастырском попечении о спасении душ вверенного ему Господом словесного стада. Святой Митрофан явился истинным пастырем, со страхом Божиим он совершал свое служение: с любовью и милосердием вспахивал святитель ниву сердец человеческих, чтобы посеять на них спасительные семена слова Божия; лишь в крайних случаях для искоренения пороков обращался он к суровым карательным мерам.

Неприветливо встретил святого Митрофана его кафедральный город: архиерейский двор оказался настолько ветхим, что старец святитель вынужден был на первых порах ютиться со «своими домовыми людьми» на постоялом дворе, причем, по его собственному выражению, он терпел «большую нужду» — должен был даже покупать себе хлеб. Средства новой епархии, вверенной управлению святого Митрофана, были очень невелики: не считая Воронежа, к ней отошло главным образом из соседней Рязанской митрополии шесть незначительных городков: Елец, Коротояк, Землянский, Урыв, Орлов, Костенской, а между тем на сбор с местных церквей и монастырей нужно было содержать архиерейскую кафедру с «домовыми людьми». За грозными событиями лета 1682 года духовные и светские власти в Москве забыли позаботиться о нуждах новоучрежденной маленькой Воронежской епархии. И святитель впоследствии указывал в челобитных, что он «отпущен из Москвы на Воронеж в смутное время, а ничем не пожалован», почему «на Воронеже, в доме Пресвятыя Богородицы вотчин и никаких угодий нет, и он, Митрофан епископ, ничем не взыскан».

Таким образом, перед святителем прежде всего возник вопрос о хозяйственных нуждах епархии. Сам святитель вел настолько простой образ жизни, что ему с избытком хватило бы самых незначительных средств. Но бедность епархии была тяжела ему потому, что обрекала на нужду и всех обитателей его архиерейского дома, что не позволяло ему раздавать щедрую милостыню нищим, что, наконец, препятствовало ввести в епархии благолепное церковное богослужение, к чему особенно лежало сердце святого Митрофана.

Сам по себе тяжелый вопрос о епархиальных средствах для святителя осложнился еще новым неприятным делом: он вынужден был отстаивать границы своей епархии от притязаний Рязанских митрополитов, недовольных выделением из своей митрополии некоторых городов, отошедших к новоучрежденной Воронежской кафедре. Этот спор о границе

смежных епархий вызывался отчасти тем, что собором 1674 года было постановлено каждой епархии руководиться при разграничении входящих в ее состав городов и уездов старыми писцовыми книгами, составленными вскоре после Смутного времени. Но потом, когда на Украине, благодаря усиленному приливу переселенцев, с течением времени возник целый ряд новых городков, получилось несоответствие нового деления на уезды со старым по писцовым книгам, которыми все-таки продолжали еще руководиться в делах землевладения и податном. Поводом для начала распри могли послужить случаи добровольного отделения от Рязани некоторых сел, близких к Воронежу или к уездам Воронежской епархии, или наоборот – попытки некоторых приходов Воронежской епархии отписаться к Рязани, причем святой Митрофан принимал меры к возвращению отложившихся приходов.

Продолжительный спор святого Митрофана с Рязанскими митрополитами о границах соседних епархий был решен в конце концов в его пользу царем Петром Алексеевичем весной 1699 года. К Воронежской епархии теперь были присоединены Усмань, Демшинск, Белоколодезь и село Мокрый Боярак от Рязанской епархии, а от Белгородской – Острогожск, или Рыбный. Ранее того (в 1697 году) патриарх Адриан значительно расширил пределы Воронежской епархии, присоединив к ней новопоселенцев Воронежского уезда по рекам Битюгу, Икорцу и Осереду. При святителе значительно возросли отчины и угодья Воронежского архиерейского дома: одни из них были приписаны к нему духовной или светской властью по челобитным святого Митрофана, в которых он указывал на бедность своего архиерейского дома; другие были пожалованы государем Петром Великим, отличавшим святителя среди прочих иерархов.

Одной из первых забот святого Митрофана было построение нового кафедрального собора, ибо существовавшая тогда соборная церковь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы была очень ветха. Еще в Москве, до переезда в Воронеж, святитель просил об отводе удобного места для постройки собора.

Ответом на эту просьбу была царская грамота (19 июня 1682 г.) воронежскому воеводе, на основании которой он отвел под собор и архиерейский двор почти третью часть тогдашнего города – около 255 сажен. Но недостаток средств вынудил святого Митрофана отложить свое намерение и пока ограничиться поправкой прежней соборной церкви. 24 марта 1688 г. святитель просил государей челобитной грамотой дать ему на три года и с уплатою за работу из архиерейской казны двух плотников из числа тех, которые правительством брались из городов и монастырей Воронежской епархии для постройки стругов. Однако соборный храм оказался настолько ветхим, что поддержка его становилась бесполезной: кровля и помост обвалились, так что совершать в нем богослужение было почти невозможно. Указывая в челобитной патриарху Иоакиму на такую ветхость соборного храма, святитель просил его разрешить построение нового собора и именно каменного, потому что кирпич и камень были под рукой, а лес «в дальнем расстоянии, верстах в тридцати и больше». Вскоре святым Митрофаном была получена от патриарха благословенная грамота (от 19 апреля 1684 г.) на постройку каменного соборного храма, так же, как и

прежнего, в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. На построение соборной церкви государи пожаловали святителю мельницу при речке Ельце, а ко времени окончания собора они же вместе с царевной Софией Алексеевной сделали (16 декабря 1688 г.) новое пожертвование — колокол весом в 160 пудов. К 1692 году собор был уже освящен.

Благовещенский собор, воздвигнутый заботами святителя, представлял собою храм, значительно превосходивший своими размерами все церкви Воронежа. Архитектура его была очень проста: на высоких прямых стенах с окнами в два ряда покоилась низкая деревянная крыша с пятью большими главами, над которыми значительно высились венчавшие их кресты. С правой стороны к главной части храма, отделяясь от нее по обычаю того времени глухой каменной стеной, примыкал придел в честь Архангела Михаила, имя которого святитель носил в миру. О благочестивой ревности святителя и заботах его о благолепии храма Божия не менее красноречиво свидетельствовал и внутренний вид собора.

Перед алтарем высился шестиярусный иконостас прекрасной столярной работы. Главные иконы иконостаса блистали серебряными чеканными позолоченными окладами. Царские врата с царским венцом над ними были обложены драгоценным серебряным вызолоченным чеканной работы окладом, который стоил более 9 тысяч рублей на наши деньги. Бархатная с золотом одежда покрывала святой престол. Смиренный и полный простоты в домашнем обиходе, святой Митрофан любил в храме Божиим благолепием как в священных одеждах, так и в церковной утвари. Поэтому Воронежский собор при святителе (особенно в последние годы, когда Воронежская епархия стала обширнее и богаче) был богат ценными облачениями. Большая часть их была из атласа, шелка и бархата, а также из материй, вышедших ныне из употребления, но равных по достоинству помянутым. Многие облачения были шиты золотом и серебром. Церковная утварь, за незначительными исключениями, была серебряная, вызолоченная. Все это, как говорит святитель в духовном завещании, было собрано «с великим трудом»; например, за покупкой материи для облачений святому Митрофану приходилось посылать не только в Москву, но даже в Астрахань, где продавались дорогие восточные шелковые ткани, вывозимые из Персии.

Святитель любил построенный им соборный храм, как свое детище, и перед смертью своею завещал хранить «недвижимо» все устроенное в нем. Но беспощадное время и люди, невнимательные к последней воле святителя, не соблюли его завета: сохранилось от его времени в Воронежском Благовещенском соборе очень немного и очень малоценное из собранных им сокровищ, например, медный посох, крашенинная мантия. Вероятно, значительную часть средств на постройку соборного храма и на его драгоценную утварь святитель Митрофан собрал на стороне, может быть, в Москве у знатных людей, знакомых с ним раньше. Местные средства новооткрытой епархии, особенно в первые годы до ее увеличения, были очень скромны. По крайней мере, святитель жаловался государю на отсутствие «подаяния» соборной церкви, вследствие чего была «великая скудость» в свечах, ладане и церковном вине, тогда как в других епархиях все это выдавалось из казны. Царской грамотой (10 июля 1696 г.) велено было в соборную церковь выдавать «в вечныя времена» ежегодно «без

умаления» по пять пудов воску на свечи и по пять рублей на вино и ладан «из Воронежских таможенных доходов». К собору святителем был приписан довольно большой причт, а за богослужением обычно пел стройный архиерейский хор, состоявший из 13—20 человек.

За истовое и благолепное богослужение святителя Благовещенский собор сделался любимым храмом постоянных и временных жителей Воронежа: среди вкладчиков собора, внесших имена своих почивших родных в синодик, находятся москвичи, ярославцы, зарайцы. Встречаются имена и знатных людей времени святого Митрофана, например, Льва Кирилловича Нарышкина (дяди царя Петра по матери), Феодора Аврамовича Лопухина (тестя царя), Тихона Николаевича Стрешнева (ближнего боярина государя).

Недолго просуществовал Благовещенский собор: спустя 14 лет по смерти своего создателя (ок. 1717 г.) он обрушился от близости рвов, а главное — от нетвердости фундамента. Это печальное событие по действию Промысла Божия послужило, как увидим далее, к явлению славы Божией.

Любя храм Божий и убежденный в глубоком значении его для усвоения истин веры и добрых нравов народом, святой Митрофан сумел вдохнуть эту любовь и своей пастве. Во время его управления в Воронежской епархии происходила оживленная церковно-строительная деятельность, и число храмов по сравнению с прежним увеличилось более чем на четверть.

Для новоучрежденной Воронежской епархии деятельность святого Митрофана была истинным благословением Божиим. Под мудрым управлением святителя все стороны не только церковной, но и государственной жизни края испытали благодетельную перемену. Монахи, белое духовенство и миряне — все одинаково были дороги святителю, о всех он одинаково заботился, ибо сознавал, что все без различия вручены Господом его архипастырскому водительству.

Монастыри Воронежской епархии нашли себе надежного руководителя в лице святого Митрофана. Он вступил на Воронежскую кафедру после девятнадцатилетнего пребывания в различных монастырях. 14 лет из этих 19-ти он был игуменом в двух обителях. Особенно большой опыт как в управлении братией, так и хозяйственными делами монастырей святой Митрофан приобрел за время своего игуменства в Унженской обители, сравнительно многолюдной и богатой вотчинами.

Мероприятия святого Митрофана, касавшиеся обителей Воронежской епархии, направлены были прежде всего к искоренению упрочившихся в них нестроений, которые происходили от своеволия иноков и мирян, делавших вклады, и отражали общую беспорядочность украинской жизни. Святитель приписывал к архиерейскому дому, то есть подчинял монастыри непосредственному своему надзору, когда вмешательство «вкладчиков»-мирян во внутренний строй их в корень подрывало самые основы иноческой жизни. По этой именно причине к Воронежскому архиерейскому дому был приписан Боршевский монастырь во имя Живоначальной Троицы, построенный донскими казаками, постригавшимися здесь в старости и болезни. Обитель была богата: не мало льгот и угодий получила она от войска донского, привыкшего смотреть на нее как на свое достояние. Отсюда происходило вмешательство казаков в монастырские дела и беспорядки в обители. Своеволие иноков Боршевского монастыря, поддерживаемых

донскими казаками, дошло до того, что святой Митрофан в челобитной великим государям принужден был писать: (Боршова) «монастыря и монастырских крестьян во всяких духовных и челобитных делах от донских казаков мне, богомольцу вашему, ведать невозможно». Царской грамотой (9 февраля 1686 года) монастырь этот с крестьянами, вотчинной землей и угодьями велено было приписать к Воронежскому архиерейскому дому, чем прекращалось самостоятельное существование обители. Предписано было выслать на Дон казаков из монастыря, чтобы они перестали хозяйничать в нем; казаков же, приезжавших на богомолье, разрешалось держать в обители не более трех дней. Приписаны были к архиерейскому дому при святом Митрофане и некоторые другие монастыри, а один закрыт.

Но при этом святой Митрофан много заботился о поддержке тех монастырей, которые считал необходимыми для удовлетворения духовных нужд своей паствы. С этой целью святитель основывает даже новые монастыри. По его распоряжению (в 1682 г.) Рождественский скит на Каменной горе, принадлежавший Елецкому мужскому монастырю во имя Живоначальной Троицы, был обращен в женский общежительный монастырь для поселения «черных стариц», скитавшихся в миру по городу Ельцу «с великою нуждою». Новых монастырей, возникших в Воронежской епархии во дни святителя Митрофана, два: Коротоякский в честь Вознесения Господня и Битюцкий во имя Живоначальной Троицы.

В обителях Воронежской епархии было тогда не мало нестроений и беспорядков. Монастырское хозяйство было неупорядочено и сильно расшатано непомерными государственными повинностями, а главное — жизнь монашествующих была далека от высоты иноческих обетов. На все это святитель и обратил свое внимание.

Он требовал, чтобы в обителях велась строгая отчетность о приходе и расходе монастырских денег; такую правильную отчетность он ввел в Дивногорском монастыре. В Покровском девичьем монастыре святитель учредил особую должность казначеи, назначаемой по общему выбору сестер. В Успенском монастыре он установил правильное распределение денежных доходов между братией. Затем святитель ходатайствовал перед царем об уменьшении государственных повинностей для некоторых обителей, и ходатайства его имели успех: на время святого Митрофана падает большая часть жалованных грамот царя Петра Алексеевича монастырям Воронежской епархии. Чтобы оценить по достоинству значение этих ходатайств святителя, должно помнить, что царь, ввиду страшного напряжения всех производительных сил страны на государственные нужды, был мало склонен на пожалования такого рода.

Заботясь о процветании благочестия и добрых нравов среди насельников обителей Воронежского края, святой Митрофан прежде всего стремился обуздать своеволие монашествующих, до сего времени почти не знавших епископского надзора. С этой стороны поучительно дело Толшевского монастыря. В Толшевской Преображенской обители возникло возмущение против святителя после того, как он запретил торговать близ монастыря вином, потому что эта торговля сопровождалась бесчинием в самом монастыре. Недовольная распоряжением святителя часть братии, действуя под влиянием усманского кабацкого откупщика Фомы Годовикова и его отца,

недавно постригшегося в Толшевском монастыре, старца Пимена, постановила «отписаться в Рязанскую епархию, а к Воронежской епархии не быть». Отдаленность Толшевского монастыря от Рязани, затруднявшая наблюдение над ним со стороны Рязанских владык, была очень удобна для монахов, желавших жить не по-монашески. Это открытое противление святительской власти сопровождалось таким бесчинием, что Толшевский монастырь в конце концов пришел в полное запустение: братия принуждена была уйти из него. Святой Митрофан, ввиду притязаний на Толшевскую обитель Рязанского митрополита Павла, не решился собственной властью положить конец смуте и обратился к патриарху Иоакиму. В ответ на это грамотою патриарха (22 ноября 1684 года) Толшевский монастырь был причислен к Воронежской епархии.

При важных проступках монашествующих святитель не оказывал им снисхождения, наказывал по всей справедливости: или отдавал их на строгий суд светской власти, или подвергал наказаниям, порожденным тем суровым временем. Но при этом святой Митрофан считал необходимым и воздействие на совесть и на чувство провинившегося. В одном указе того времени игумену Покровского девичьего монастыря читаем: «тех колодниц, которыя посланы в монастырь под начал (то есть на смирение) и которыя сидят в цепях, также которыя колодницы и впредь в тот монастырь посланы будут в смирение, велеть их к церкви Божией ко всякой Божественной службе приводить непрестанно».

Стремясь к искоренению нестроений и беспорядков в обителях епархии, святой Митрофан заботился и о том, чтобы направить жизнь иноков на путь, указанный монашескими обетами. Он действовал на иноков поучениями, в которых предлагал им уроки истинного подвижничества: указывал на то, чтобы церковные службы исполнялись в соответствии с требованиями устава, чтобы пение за богослужением было единогласное и немязежное, чтобы иноки без лености ежедневно посещали храм Божий, выполняли келейное правило, соблюдали посты и каждый пост говели, жили в мире между собою и не оставляли без необходимости своего монастыря. При поступлении в новый монастырь, дозволяемом лишь по нужде, монах должен был представить настоятелю «писание того монастыря начальнаго, из котораго он пришел». От настоятелей монастырей святитель требовал, чтобы они учили братию «Господним заповедям, преданию святых апостолов и отец» и подтверждали свое учение примером собственной жизни доброй и богоугодной.

Таковы были наставления иночествующим святого Митрофана, который и своею жизнью давал им пример истинного подвижничества. Влияние этих наставлений на иноков усиливалось чуткой отзывчивостью святителя к их нуждам. Записи приходо-расходных книг Воронежского архиерейского дома при святом Митрофане содержат указание на то, что при своих объездах по епархии он брал деньги для раздачи монахам и монахиням; по просьбе нуждающихся иноков давал средства то на покупку книги, то «на погорелое место», то «на пропитание», то вообще «на монастырское строение».

К белому духовенству своей епархии святитель Митрофан относился так же строго и справедливо и в то же время участливо и отзывчиво. Пламеневший духом пастырской ревности, он стремился зажечь ее огонь и в

сердцах подчиненных пастырей, рассуждая, что «престец согрешивый за свою едину душу ответ даст Богу, а иерей — за многих паствы своей». «Молением» и «наказанием» боролся святитель с недугами, которыми болели воронежские пастыри.

Среди них было много людей недостойных, подававших пастве дурной пример пьянством и «безчинною» жизнью, обвинявшихся даже в воровских и разбойных делах, самовольно отлучавшихся от приходов, в которых долгое время не совершалось богослужения и не исправлялось треб. Виноватых в такого рода проступках святой Митрофан или «смирял» монастырским наказанием и снимал с них скуфью, то есть запрещал священнослужение, или даже лишал священства, отбирая ставленные грамоты, чтобы не была поругаема благодать Божия. Для предупреждения таких печальных явлений в жизни духовенства святитель со строгим выбором относился к ставленникам на освободившиеся священнические места, причем и из других епархий принимал только тех священников, которые имели отпускные грамоты от своих епископов. Наряду с мерами прещения святитель обращался к пастырям и со словом назидания — внушал им «поучать непрестанно (прихожан) от Божественного Писания», наблюдать за благочестивым хранением ими святых дней Четыредесятницы, за исполнением христианского долга исповеди и приобщения Святых Таин.

Строго относившийся к порокам священно- и церковнослужителей, святитель был отзывчив к их нуждам. Забитое и бесправное духовенство Воронежской епархии находило в своем епископе усердного и могущественного защитника. В нередких случаях обид со стороны мирян он доносил о виновных в «озорничестве к священному чину» светской власти или же сам отлучал «ругателей» от входа в церковь и от святыни до тех пор, пока виновный придет в покаяние, попросит прощение и помирится со священником. Насколько сильно любил святитель тех из духовных лиц своей епархии, которые безупречно исполняли обязанности своего служения, видно из его духовного завещания. Здесь в словах, полных любви и смирения, он просит своего преемника на кафедре «не оскорбить и не утеснить» его ближайших помощников по управлению епархии, которые «подъяли труды великие».

Как заботился святитель Митрофан о спасении мирян, об этом, к сожалению, не сохранилось достаточных известий. Нет сомнения, что святитель был вынужден вести тяжелую и упорную борьбу с нравственными нестроениями, которые изобиловали среди его своевольной паствы. Но имеются сведения, правда отрывочные, лишь об усиленном стремлении святителя Митрофана укрепить семейную жизнь своих пасомых, в которой особенно заметно и особенно пагубно было уклонение от нравственного закона. Он поставил под строгое наблюдение Церкви основу семьи — брак, чтобы предотвратить широко распространенное в его сбродной пастве сожителство без церковного благословения или браки донских казаков с воронежскими жительницами без благословения родителей. Чтобы укрепить в пасомых мысль о святости брачного союза, святой Митрофан с особенною осмотрительностью давал разрешение на развод; между тем, с просьбами о расторжении брака к святителю нередко обращались его пасомые, усвоившие на развод столь же легкомысленный взгляд, как и на самый брак.

Для лиц распущенных, осквернявших семейный очаг, святитель употреблял суровые меры наказания в духе того времени: развратный помещик, вытребованный святителем в духовный приказ, по его распоряжению был посажен «за пристава», а потом, закованный в цепи, отправлен в хлебопекарню Успенского монастыря. Но эти строгие наказания налагались святителем только в исключительных случаях, когда не было смягчающих вину обстоятельств, с которыми святой епископ всегда сообразовался. Так, известен случай, когда он отменил на этом именно основании наказание, наложенное его судным приказом.

Забываясь о чистоте нравов своих пасомых, святой Митрофан вооружался против народных увеселений, носивших в то время безнравственный характер. Один указ его времени запрещает качанье на качелях, «бесовские игры», пляски и плескание руками, ибо эти богомерзкие дела противны нашему Спасителю и угодны супостату диаволу.

Без сомнения, много забот доставили святому Митрофану раскольники старообрядцы, поселившиеся в его епархии и соблазнявшие к отступлению от Православной Церкви его пасомых. Надо помнить, что в то время, после раскольничьего бунта 1682 года, старообрядцы признавались не только заблуждающимися в вере, но и государственными преступниками. Отсюда понятно, почему святитель так строго судил о них. Раскольники, по его выражению, — «враги и развратители церквей Божиих и хульники истинная православная веры, враги Божии, други диавола». Они появляются в Воронежском крае после Московского Собора 1667 года, отлучившего их от Церкви; затем, благодаря преследованиям правительства, число их быстро увеличивается. Они бежали в Придонский край, здесь скрывались в лесах, в пустующих строениях, в погребах и подпольях и тайно отправляли богослужение.